

Как появляются постсоветские сецессии: факторы, способствующие и препятствующие выходу

Токарев Алексей Александрович, ИМИ МГИМО МИД России, Москва

Контактный адрес: a.tokarev@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются «сложные» случаи территориального развития после распада СССР: сецессии, автономизации, серые зоны государственности во всех постсоветских республиках. Учитывая и реалистические, и конструктивистские основания сецессий, автор перечисляет основные факторы (географические, исторические, политические, социологические, культурные, лингвистические, военные), влияющие на процессы автономизации и выхода территориальных политий из состава материнских государств, постулируя, что ни один из них не повторяется во всех 20 исследуемых случаях. Это означает, что никакой фактор не является детерминирующим, хотя западные источники таковым часто называют российский патронаж на постсоветском пространстве. Самые популярные факторы: функционирование государства-сегмента, в пределах которого оформляется сецессия, и наличие у сепаратистов политической организации (17 случаев из 20).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сецессия, сепаратизм, автономизм, ирредентизм, постсоветское пространство, распад СССР

В 2022 г. распад Советского Союза снова напомнил миру о себе. Отложенные последствия 1991 г. (и расширение НАТО на восток, и жесткая реакция России, и эрозия украинского суверенитета, и долгая сецессия Л/ДНР, оказавшаяся в итоге ирредентой) снова привлекли внимание к теоретическому осмыслению феномена выхода одних политий из состава других – более высокого уровня, привычно именуемых государствами.

За пределами строгой академической дискуссии, на экспертном треке (не говоря уже о массовом сознании) восприятие сецессий на постсоветском пространстве редуцируется до гиперболизации роли России. Ангажированный аналитик априори упрощает весь многослойный феномен примерно до «империя возрождается и потому отрывает от суверенных демократий новые территории, поглощая их пучиной собственного авторитаризма».

За рамками подобного подхода оставались многие годы и этапы развития российской внешней политики, на которых она изменялась, реагируя на вызовы времени. Иногда Россия действительно становилась настойчивым патроном сецессии, иногда поддерживала территориальную целостность материнского государства, иногда переходила от одного полюса к другому. В любом случае российская стратегия на постсоветском пространстве никогда не была детерминированной данностью. Кроме того, сам феномен сецессий всегда развивается внутри треугольника или даже квадрата, углы которого составляет не только государство-патрон, но также сама сецессия, материнское государство и международная обстановка (внешние акторы). Именно внутри этого «квадропространства» и происходит эволюция сецессии как процесса.

Исследуя постсоветские сецессии с учетом внимания ко всем четырем переменным, можно поставить конкретные страновые вопросы. Почему одни политии смогли осуществить сецессионистские проекты, другие – стремились максимум к автономизации, а третьи – были полностью подавлены материнскими государствами? Почему в рамках одних и тех же государств территориальное развитие похожих единиц шло по-разному: Приднестровье стало подлинно независимым, а Гагаузия была реинтегрирована Кишиневом? Почему Абхазия и Южная Осетия были признаны несколькими членами ООН, Аджария вернулась в конституционное пространство Грузии, а Джавахетия не получила требуемой автономии? Почему, несмотря на высочайший уровень ненависти с обеих сторон и реальные боевые действия, Чечня смогла стать территорией России, а чеченский народ получить шанс на мирное развитие в рамках российской нации? Почему ирредента в Крыму оказалась успешной, а в северных районах Казахстана не оформлялась политически? Почему Каракалпакстан (автономная республика) остался в составе Узбекистана, а НКР (автономная область, обладающая статусом ниже) вышла из состава Азербайджана? Наконец, почему Л/ДНР оказались точкой горячего конфликта, несмотря на отсутствие и автономии, и религиозных, и этнических противоречий?

Целью предложенной работы не является попытка разобрать все конфликты, ставшие причиной или следствием распада СССР (например, гражданскую войну в Таджикистане, Ферганские погромы), поскольку основой исследования являются не любые этнические или религиозные противоречия, а лишь те, где территориальные политии заявляют/осуществляют действия, направленные на выход (сепаратизм) с возможным последующим входом «под крыло» патрона

при воссоединении этнической общности (ирредентизм) или повышение статуса (автономизация).

Тема постсоветских сецессий и автономизаций хорошо рассмотрена в отечественной и иностранной литературе. В крупнейшем мировом хранилище научных текстов – библиотеке *Google.Scholar* – по теме сепаратизма и непризнанных государств можно найти книги, статьи, рукописи диссертаций и главы в монографиях за каждый год в 2000–2022 (около 84 000 текстов при поиске “*secession*”, около 16 000 – с добавлением “*post-Soviet*”). В этом масштабном корпусе текстов есть несколько магистральных направлений исследования сецессий.

В российской науке изучение сецессий и де-факто государств происходит как с юридической, так и с политической точки зрения. Вопрос эволюции и выработки подходов к признанию этих образований интересует специалистов-правоведов.¹ Политологов они привлекают в контексте кризисов и конфликтов на постсоветском пространстве. Вслед за изменением ситуации за последние годы исследователи пытаются переосмыслить терминологию², предлагают различные классификации и типологии³. Кроме того, существует значительная группа российских и западных исследований, посвященных конкретным кейсам де-факто государств постсоветского пространства и их различным характеристикам: взаимосвязи государственного строительства и экономического роста, проблемам миграции, внутренней политической динамике, «приватизации» государства, элитным конфликтам и т.п.⁴

Теоретически эмпирическая операционализация постсоветских сецессий основывается не только на «измерениях» реализма (состояние вооруженных сил (ВС), экономики, качество транспортных переходов, географическая специфика границ де-факто государств), но и на конструктивистских допущениях о важнейшем влиянии на процессы автономизации и сецессии вопросов языка, этноса, истории и статуса. В отношении операционализации исследования постсоветских сецессий продолжается разработка и актуализация списка постоянных, переменных и индикаторов, впервые озвученных в 2012 г.⁵ и усовершенствованных в 2017 г.⁶ Успешные постсоветские сецессии рассматриваются как полноценные государства, следуя традиции аналитического разделения государственной статусности и состоятельности, развивавшейся в западной науке и активно пестуемой на российской почве А.Ю. Мельвилем, М.В. Ильиным и Е.Ю. Мелешкиной⁷. Рассмотрение проблем статуса (которые всегда сопровождают сецессии) не как самоценных, а в рамках изучения государственной статусности, позволяет не концентрироваться на исследовании сецессий как каких-то «неправильных» феноменов международных отношений, а рассматривать их как полноценных игроков международной политики, не игнорируя собственные паттерны.

1 Холина 2012; Ильяшевич 2014; Цвицинская 2014; Бударagina 2016.

2 Платонова 2012.

3 Маркедонов 2018; Сепреева 2014; Цховребов 2013.

4 O'Loughlin et al. 2017; Kolstø et al. 2012; O'Loughlin et al. 2011; Dembinska et al. 2017; Kopeček et al. 2016; Balmaceda 2013; Broers et al. 2015; Relitz 2016; Kopeček 2016.

5 Токарев 2012.

6 Токарев 2017.

7 Ильин et al. 2010.

Случаи автономизма и сепаратизма на постсоветском пространстве

Каковы конкретные страновые случаи сецессий? В отношении Узбекистана речь о сепаратизме, как правило, идет в связи с Каракалпакстаном – автономной республикой в составе страны. Каракалпаки – тюркская народность, имеющая собственный язык, ведущая оседлый (не кочевой) образ жизни и проживающая на территории современного Каракалпакстана несколько сотен лет (как минимум уже в составе Российской империи с 1873 г. как часть Туркестанского края)¹.

С 1917 по 1920 г. территория нынешнего Каракалпакстана входила в состав возрожденного Хивинского ханства. В это время восстания случались, но не имели этнических причин, как, например, в Абхазии или Южной Осетии, будучи проявлениями идеологических противоречий между большевиками и властями ханства. По итогам восстаний была провозглашена Хорезмская народная советская республика, позднее поделенная между Узбекской и Туркменской ССР, а также Каракалпакской автономной областью РСФСР. До 1936 г. уже Каракалпакская АССР входила в состав РСФСР, после вошла в состав Узбекской ССР. Таким образом, лишь с 1936 по 1991 г. территория Каракалпакстана формально подчинялась Ташкенту. В середине века каракалпаки выражали желание получить «собственную» союзную республику, но оно не было реализовано. В 1990 г. Каракалпакстан принял декларацию о государственном суверенитете, а в 1993 г. подписал межгосударственный договор о вхождении в состав уже независимого Узбекистана, став в его составе автономной республикой и так и не реализовав сецессию. Референдум, который должен был решить судьбу территории, не состоялся. В случае Каракалпакстана возможен не только выход, но и ирредентизм, т.е. попытка присоединиться к Казахстану и более близким казахам и киргизам (первые занимают третье-четвертое по численности место в Каракалпакстане). Собственно, в отдельных действиях Астаны можно увидеть попытки ирреденты: «вбросы» в массмедиа информации о том, что каракалпаки – казахский субэтнос, а их язык – диалект казахского². Еще одно направление выхода – сближение с Россией, в составе которой Каракалпакстан существовал непродолжительное время на заре советского периода, но с которой автономия не имеет общей границы. Особенно данный тренд проявился в 2014 г. после крымских событий: часть общественных активистов движения «Алга, Каракалпакстан» заявляла о возможном присоединении к России, но не была поддержана населением³. В целом крайне низкий уровень жизни, слабая вовлеченность каракалпакских элит в управление Узбекистаном, историческая память об автономии и о жизни в составе другого государства являются предпосылками для центробежных процессов, но новое руководство Узбекистана купирует их: помимо чисто символических жестов (во время президентской кампании Ш. Мирзиёев назвал себя

1 Долгое время до вхождения в состав империи каракалпаки находились под властью хивинских ханов и не имели самостоятельной государственности. См. подробнее: Тревер et al. 1950, 188–193.

2 Малиновский, А. Узбекские сепаратисты: каракалпаки // Sputnik и Погром. 20 мая 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnikipogrom.com/society/71973/the-karakalpaks/> (дата обращения: 20.06.2020).

3 Алга, Каракалпакстан! // Lenta.Ru. 10 июня 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/06/10/karakalpakstan/> (дата обращения: 27.04.2020).

«сыном узбекского и каракалпакского народов»), власти пытаются улучшить социально-экономическое положение региона и снизить уровень его радикальной исламизации¹. Кроме каракалпаков Узбекистан традиционно испытывает давление со стороны таджиков – второго по численности этнического меньшинства страны. Однако с учетом отсутствия у таджиков статусно обусловленной автономии конкретных политических черт таджикский сепаратизм не обрел.

Казахстан после распада СССР несколько раз привлекал внимание аналитиков в связи с ростом сепаратистских (в форме ирреденты) настроений русских в северных регионах страны. Но в связи с унитарной формой административно-территориального устройства в Казахстане нет внутренних границ потенциально сепаратистских этнических областей, и, соответственно, нет государства-сегмента, которое могло бы осуществить выход. Границы Казахстана консолидированы: его территория исторически не расширялась за счет земель других государств, т.е. отсутствует историческое обоснование для выхода, как, например, в случае НКР по отношению к Азербайджану. Кроме того, казахстанские власти эффективно боролись с сепаратистскими проявлениями после реинтеграции Крыма Россией, ужесточив уголовное наказание за призывы к сепаратизму. Спустя 30 лет развития независимого Казахстана, несмотря на возникающие в медиа скандалы на этнической почве, в стране сформировалась политическая нация, в которую интегрированы русские. Это еще одна причина, по которой проявления сепаратизма в стране крайне маловероятны.

В Киргизии имеются явно выраженные сепаратистские устремления узбекской общины, компактно проживающей в Ошской и Желал-Абадской областях. В 1990 и 2010 гг. они вылились в вооруженные столкновения, но не привели ни к повышению уровня автономии, ни к сецессии. Одного из идеологов событий 2010 г. власти обвиняли в попытке создать узбекскую автономию на юге страны². Оба раза представители узбеков, не объединенные в организованные политические движения, требовали создания автономии и повышения статуса узбекского языка. При этом опыт узбеков в Киргизии нельзя считать сепаратистским, поскольку, во-первых, не было единой политической силы, отстаивающей ценности сецессии, во-вторых, протестующие в большинстве своем не требовали выхода. События в Оше 1990 и 2010 гг. имеют бытовой и националистический характер, но не политический.

Ярче сепаратизм проявился в Таджикистане, где с 1992 по 1997 г. существовало де-факто государство – Республика Горный Бадахшан. Недавно вышедшая книга, посвященная де-факто государствам Евразии, упоминает его единожды как «забытый островок международного порядка», но никак не де-факто государство³. Интерес к этому региону в академической литературе заметно ниже, чем к европейской и кавказской частям постсоветского пространства. Самопровозглашенная на территории государства-сегмента – автономной Горно-Бадахшанской области (ГБАО), переданной в состав Таджикской ССР Москвой

1 Как Шавката Мирзиёева чуть не разорвали в Каракалпакстане // Центр-1. 23 января 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://centre1.com/uzbekistan/kak-shavkata-mirziyoeva-chut-ne-razorvali-v-karakalpakstane/> (дата обращения: 27.04.2020).

2 Жолдошев, К. Реальна ли угроза сепаратизма в Кыргызстане? // Радио Азаттык. 11 июня 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_uzbek_alisher_sabirov/24610631.html (дата обращения: 27.04.2020).

3 Hoch et al. 2019, 33–34.

в 1925 г., – «республика», населенная нетитульным таджикским этносом¹, выражала намерения войти в состав России, а российский рубль был одной из местных валют. Суверенитет был провозглашен парламентом региона, но не был признан парламентом страны. Таджикский случай сецессии на Памире был успешен по сравнению с прочими центральноазиатскими в т.ч. потому что существовала оформленная политическая сила, отстаивавшая ценность сецессии, а центральная власть не имела достаточной состоятельности (в стране шла гражданская война), чтобы реинтегрировать ГБАО силой. Но несмотря на наличие государства-сегмента, сецессия не увенчалась успехом, поскольку не имела государства-патрона как минимум по географическим и этническим причинам (Россия не граничит с ГБАО, русские не являются доминирующим этносом).

Сепаратизм в Азербайджане включает в себя не только де-факто государство Нагорно-Карабахская Республика (НКР), но и существовавшее несколько месяцев 1993 г. де-факто государство Талыш-Муганская Автономная Республика (ТМАР). По своему генезису оно было скорее проявлением вооруженного переворота под руководством офицеров-талышей азербайджанской армии, повторяющих опыт аналогичных выступлений в Гяндже – втором по величине городе Азербайджана – на фоне падения легальной власти в центре страны. С одной стороны, требований в отношении выхода из Азербайджана ТМАР не заявляла, ограничиваясь исключительно попыткой установить талышскую автономию. Собственно, лидеры ТМАР провозгласили ее автономной республикой в составе Азербайджана. С другой стороны, центральные власти (в Баку в это время был военно-политический кризис) не контролировали Ленкорань и прилегающие районы, подчинявшиеся командованию военной части, выгнавшей легальное руководство города. Отсутствие государства-патрона; жесткого этнического противостояния между азербайджанцами и талышами; однозначной привязки этнического самосознания талышей к достижению территориального суверенитета или воссоединению разделенного народа (часть талышей проживает в Иране), а следовательно, малая популярность проекта ТМАР даже у талышского населения; отсутствие государства-сегмента как территориально-политического проекта, способного заявить права на выход²; отсутствие исторической памяти о существовании жестко оппонирующего соседям национально-территориального проекта (Талышское ханство было мирно включено в состав Российской империи в 1809 г., а 50 лет спустя передано в состав Бакинской губернии) обусловили мягкую реинтеграцию самопровозглашенного государства Азербайджаном. Нахичеванская АССР изначально декларировала свой суверенитет в составе Азербайджана и после распада СССР лишь подтвердила свой автономный статус, не реализуя сепаратистских устремлений.

Вероятно, наименее подверженной сепаратизму постсоветской страной оказалась Армения. Она является моноэтничной, монорелигиозной, монолингвистической (98% населения страны составляют армяне) страной, а у меньшинств

1 Речь идет о совокупности памирских народов. См. подробнее: Ахмедов 1997.

2 Один из идеологов талышского национального движения, стоявший у истоков ТМАР, однозначно высказывается в пользу создания независимого государства Талышистан, что не находит поддержки у самих талышей. См. подробнее: Абосзода, Ф. 20-летие Талыш-Муганской Республики: что дальше? // ИА REX. 8 августа 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/articles/39761.html> (дата обращения: 20.06.2020).

нет государств-сегментов, следовательно, причин для попыток автономизации или сепаратизма просто нет.

В Белоруссии сепаратизм не был значимо представлен на практике. На волне национального подъема в конце 1980-х белорусский историк Н. Шелягович пытался «вырастить в пробирке» искусственную нацию с отдельным языком – ятвяги на территории Полесья¹. Он даже принял участие в президентских выборах, но успеха не имел. Во время Великой Отечественной войны в нескольких селах имели место оформленные попытки самоопределения в форме коллаборации с вермахтом, но поскольку ни политической организации, ни отдельного языка или этноса, ни длительной истории самостоятельной государственности эти образования не имели, их «сепаратизм» носил предельно искусственный характер. Вопрос о том, считать ли решение жителей отдельного села («Республика Зуева») не воспринимать себя более гражданами СССР реальным проявлением сепаратизма, остается открытым.

После обретения независимости в 1991 г. Грузия не смогла консолидировать территорию и административные границы. М. Малек описывает центробежные тенденции как приведшие к формированию «внутренней Грузии»²: «В 1990-е гг. государство практически отсутствовало не только в РА и ЮО, но и в Абхазии, Джавахетии и Панкисском ущелье»³. Абхазия – автономная республика в составе Грузии – никогда не провозглашала выход из состава страны, но с 1991 по 2004 г. фактически не подчинялась Тбилиси, как имея собственные вооруженные формирования, поддерживаемые российской военной базой, так и ведя свободную экономическую деятельность (Тбилиси не контролировал таможню и границы Абхазии). Искусная политика правителя автономии А. Абашидзе позволила без излишней агрессии в адрес грузинского конституционного устройства конвертировать поддержку России, пограничный статус своей автономии с наличием субэтнуса с отдельной мусульманской верой в статус де-факто независимой от действий Тбилиси политики. Формально Абхазия, особенно с учетом фиксации в конституции Грузии ее статуса автономной республики, не является случаем сепаратизма. Абхазский политический класс был частью грузинского, партия А. Абашидзе занимала второе место по численности в парламенте, а сам он числился вице-спикером. Как подчеркивает С.М. Маркедонов, «политика Абашидзе – это попытка создать не анти-Грузию, а альтер-Грузию. Это попытка защититься от хаоса в Тбилиси, а не выйти из состава государства. Частный, персоналистский, партикулярный режим, а не сепаратизм, конечно, и даже не автономизм»⁴. Тем не менее очевидно и то, что 14 лет автономия была несамопровозглашенным де-факто государством, которое не объявило о своем выходе, но по сути реализовало его, сохраняя важные символы для грузинского правительства вроде денежной системы. В соответствии с тезисом Ф. Фукуямы (сильная государственность – способность госу-

1 Это история: где и когда в Беларуси были свои сепаратисты // Журнал Большой. 12 сентября 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://bolshoi.by/power/separatistskie-istorii-v-belarusi/> (дата обращения: 20.06.2020).

2 Malek 2006, 453.

3 Cornell 2009, 252.

4 Интервью автора с С.М. Маркедоновым от 24.10.2019.

дарства направить вооруженного человека в форме в любую точку страны¹⁾ Аджария была де-факто государством.

Одной из основных проблем для грузинских границ в 1990-е гг. была обстановка в Чечне. С учетом ее неподконтрольности российскому руководству чеченские бандгруппы регулярно проникали на территорию неспособной обеспечить непроницаемость границы Грузии, укрываясь в грузинской части Панкисского ущелья². Также с 1992 по 1995 г. на других грузинских территориях действовало до 50 неподконтрольных центральному правительству вооруженных формирований³.

Проблемной с точки зрения внутренней статусности государства грузинской территорией является Джавахетия, абсолютное большинство (до 90%) населения которой составляют армяне⁴. Первым языком является армянский, вторым – русский (вместо грузинского)⁵. Сепаратистский потенциал области, конечно, несравним с абхазским или югоосетинским случаями, однако частично может быть сопоставлен с нагорно-карабахским (армяне составляют абсолютное большинство, кроме того, «центробежные тенденции в Джавахетии, как и в Абхазии с Осетией, поддерживала Москва с целью влиять на Грузию»⁶). Общественные организации Джавахетии неоднократно поднимали вопрос о получении автономии края в составе Грузии. Он не получил ответа. Сепаратистский потенциал не был реализован, во многом потому что грузинские власти не применяли силу против негрузинского населения (как в Абхазии и ЮО), а официальное армянское руководство не поддерживало выход Джавахетии из состава Грузии, дабы не дублировать собственные проблемы из-за конфликта в НКР. Максимум межэтнической напряженности наблюдался за пределами области. Армяне из Джавахетии участвовали в боевых столкновениях против грузинских войск в составе «батальона Баграмяна» в Абхазии в войне 1992–1993 гг. В 1997 г. активисты общественной организации «Джавакх» собирали подписи под обращением к парламенту Грузии с требованием упразднить «неконституционную область Самцхе-Джаважетию» и «наделить Джавахетию адекватным территориальным статусом в составе Грузии». В августе 2008 г. после окончания боевых действий армянские организации Грузии, подчеркивая территориальную целостность страны, заявили следующее: «Самцхе-Джаважу и территориям, населенным армянами, необходимо придать статус суверенных субъектов Федеративной Грузии с широкими полномочиями самоуправления, включая сохранение общественного порядка, культуры, социально-политической экономики, охраны окружающей среды, наделить полномочиями местного самоуправления. Необходимо гарантировать Конституцией, что армянскому языку на территории Самцхе-Джаважка будет присвоен статус государственного языка, а также сделать обязательным присутствие

1 По мнению Ф. Фукуямы, «государственная состоятельность прежде всего». Именно ее успешное функционирование позволяет относить к де-факто государствам политические образования с проблемной статусностью. См.: Fukuyama 2015. См. также обзор литературы по концепции «stateness first» Мельвил 2011; Fukuyama 2004.

2 О чеченском участке российско-грузинской границы см.: Gachechiladze 2002, 124.

3 Malek 2006.

4 Guretski 1998, 2.

5 Øverland 2009, 3.

6 Ibid. 6.

представителей Самцхе-Джавахка в законодательных, исполнительных и судебных структурах Грузии»¹.

В России Татарская АССР сначала провозгласила суверенитет в 1990 г., потом провела референдум, на котором большинство граждан автономии (более 60%) проголосовали «за». Но татарский сепаратизм, несмотря на наличие отдельного этноса и языка, исторический опыт борьбы с имперским центром, не увенчался успехом, поскольку не было государства-патрона, само географическое положение политики способствовало сохранению в составе государственного «тела», наконец, центр не стал действовать жестко в адрес сепаратистов, используя правовые механизмы вместо боевых действий для реинтеграции региона. Кроме того, в 1990 г. сразу 13 АССР на территории России провозгласили государственный суверенитет, но в их декларациях было указано, что они остаются в составе РСФСР. Как указывает С.М. Маркедонов, «на территории одной лишь Карачаево-Черкесской Республики было провозглашено пять(!) образований»². Отдельные политические проявления сепаратизма в России (например, существование в Калининграде Балтийской республиканской партии, ставившей целью автономизацию области) не являются предметом настоящего исследования.

Помимо Татарстана, не указывавшего, в составе какого государства провозглашается суверенитет (СССР или РСФСР, как было в большинстве остальных случаев «парада суверенитетов» в России), феномен автономизации проявила и Свердловская область, заявившая себя в 1993 г. как Уральская республика. Принципиальное отличие от татарского случая состояло в декларировании возрождения российской государственности с акцентом на то, что субъект остается в составе России. Собственно, повышению его статуса с областного до республиканского был посвящен референдум, большинство участников которого высказались «за». Кроме того, решением областного совета была принята конституция республики. Москва сначала публично поддержала этот случай «мягкого» автономизма, но потом при помощи правовых механизмов ликвидировала «республику».

Самый известный случай сепаратизма в России связан с террористическим образованием «Ичкерия». Успешной данная сецессия стала вследствие как коллапса государственной власти в России после распада СССР, так и резкого снижения степени внутреннего суверенитета. Наличие отдельного этноса с собственным языком и религией, проживание его в государстве-сегменте, уже обладающем особым статусом (АССР), явная поддержка международного терроризма извне, отсутствие консолидации российских границ, наличие длительной исторической традиции войн с имперским центром, явно выраженная готовность отстаивать суверенитет в войне с федеральными войсками со стороны части чеченцев, неразбериха внутри армейского руководства вооруженных сил России на фоне захвата террористами ключевых государственных институтов Чечни и попытки не просто выйти из состава России, но построить полноцен-

1 В населенном армянами Самцхе-Джавахети поднят вопрос об автономии в составе Грузии // ИА Регнум. 19 августа 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1043811.html#ixzz29rSjzn8C> (дата обращения: 20.10.2012).

2 Маркедонов 2012, 40.

ную антироссийскую государственность по нормам шариата обусловили столь длительный характер сецессии.

«Кадарская зона», или «Отдельная исламская территория» (наряду с «Ичкерией») – еще одно террористическое образование, являвшееся «серой зоной государственности», которая декларировала суверенитет и неподчинение российским властям. Как и в случае с «Ичкерией», патроном было не конкретное государство, а международные террористические организации и сами террористы в Чечне. Террористы захватили несколько сел в Дагестане, а также отделения милиции и представительные органы власти. Отдельные элементы государственности («госсимволика», блокпосты на въездах внутрь границ «государства», собственные уголовные нормы, квазизаконодательные органы) говорят о попытках не просто захвата и удержания власти, а организации альтернативного России государства на захваченной территории. После года функционирования это квазигосударственное образование было разгромлено в результате операции федеральных сил.

Помимо Приднестровья, де-факто государством на формально молдавской территории была Гагаузия – регион, населенный уникальным православным тюркоязычным народом. С 1990 по 1995 г. провозгласившая на съезде депутатов суверенитет Гагаузия существовала вне власти Кишинева, имея собственные силы безопасности и аппарат управления. При недостаточном влиянии государства-патрона (Турция традиционно оказывает покровительство гагаузам, но не поддерживает явно их сепаратизм), в условиях остановки конфликта российской армией, которая удержала молдавские власти от боевых действий, при отсутствии исторической традиции конфликтов между молдаванами и гагаузами в условиях долговременного совместного мирного проживания в одном государстве в регионах с одинаковым статусом без государства-сегмента, при согласии Кишинева на особый статус автономии она была реинтегрирована мирным путем в 1995 г.

Крым – почти идеальный случай сецессии. Полуостров, соединенный с материнским государством лишь перешейком шириной 7 км, находящийся в его лоне лишь немногим больше полувека (Севастополь – и того меньше, лишь с 1978 г.), до того постоянно находившийся внутри другого государства, которое к тому же еще и государство-патрон, на постсоветском пространстве не имеющее конкурентов по мощи. В пользу сецессии выступали факторы лингвистических противостояний внутри Украины, слабость украинской государственной власти, не способной удержать «расползающиеся» (или «растягиваемые») регионы, а также наличие исторической традиции институционализации крымской автономии в различных формах (АССР, АР, самопровозглашенное государство). Выход Крыма из состава Украины в 2014 г. – не первая попытка самоопределения полуострова. Еще в 1992 г. Крым провозгласил себя суверенным государством, а в 1994 г. крымчане избрали президентом российского гражданина Ю. Мешкова, и Севастополь обратился к России с призывом о реинтеграции.

Менее известна попытка автономизации в Закарпатье – регионе, населенном русинами, проживающими также по другую сторону границы в Венгрии, которая выступает для них если и не патроном сецессии, то надежным защитником в спорных гуманитарных и лингвистических вопросах. В 1991 г. на референдуме

в Закарпатской области УССР 79% проголосовали за особый статус Закарпатья: «специальная самоуправляемая территория и как субъект в составе Украины, который не входит ни в какие другие административно-территориальные образования». Итоги референдума были проигнорированы официальным Киевом.

Условия сецессий на постсоветском пространстве

После краткого описания случаев сецессий и автономизаций во всех постсоветских государствах была создана таблица сравнения наиболее популярных факторов и (по возможности) детерминант сецессии (см. Данные). Сюда входит: наличие государства-сегмента¹, политической организации у сепаратистов, собственного языка (отличного от языка материнского государства), отдельного этноса (выступающего за сецессию), государства-патрона, общности границ государства-сегмента и патрона, исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию, тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом и реакция материнского государства на это, специфика вхождения государства-сегмента в состав материнского государства, статус государства-сегмента в его составе и длительность институциональной традиции.

Нахождение сепаратистской территории в составе другого государства, равного по статусу материнскому, – еще один фактор постсоветских сецессий, как и передача этой территории (а не завоевание или добровольное вхождение) имперской столицей (Петербургом или Москвой) из одной юрисдикции в другую. Таковы случаи внутри Молдовы (ПМР), Узбекистана (Каракалпакстан), Азербайджана (Нахичевань и НКР) и Украины (Крым, Л/ДНР, Закарпатье). В состав последней все три территории сепаратизма/автономизации были включены Москвой. Только Баку воевал, причем неоднократно в начале XX в., за НКР. Во всех остальных случаях материнские государства получали новые территории волей империи, не прилагая к этому усилий. Длительность нахождения сецессионистских территорий в составе другого государства в некоторых случаях превышает пребывание в составе материнских государств: таковы все три украинских каза-са и Нахичевань. Очевидным образом², это влияет на восприятие упомянутых территорий в массовом сознании в стиле «мы не воевали за эти земли» или «эти земли стали нашими недавно», причем данный тезис работает как в материнском государстве, так и внутри сецессии и в государстве-патроне (наоборот): «они не воевали за эти территории», «эти территории стали принадлежать им совсем недавно, не по праву» и т.д.

1 В данном случае под государством-сегментом понимается такая территориальная полиция внутри административно-территориального деления материнского государства, которая, несмотря на статус (автономный или равный другим регионам), имеет превосходство нетитульного этноса над титульным.

2 Об этом говорят наши исследования – глубинные интервью с жителями сепаратистских территорий в ПМР и Л/ДНР 2013–2019 годов. Один из наиболее повторяющихся паттернов у них: «Нас передала Москва внутри общего государства. Ну какая мы Украина или Молдова?»

ДАННЫЕ О СЛУЧАЯХ СЕЦЕССИЙ, АВТОНОМИЗАЦИЙ, СЕРЫХ ЗОНАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

SECESSIONS, AUTONOMIZATIONS, GREY ZONES OF STATENESS DATASET.

Узбекистан

Каракалпакстан, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – «Алга»;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *каракалпакский*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *отсутствует*;
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *отсутствует*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Верховный совет АССР.

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: подписание договора о вхождении территории. Сецессия в состав материнского государства на 20 лет. Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1936.

Специфика вхождения: передан Москвой.

Статус в составе материнского государства: АССР.

Годы существования в составе другого государства: 1925–1930 – Киргизская ССР; 1930–1936 – РСФСР.

Киргизия

Ошская и Джалал-Абадская области, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории – *формально не является государством-сегментом, поскольку численность киргизов превышает численность узбеков более чем в 2 раза в обоих регионах*;
- политической организации у сепаратистов – *отсутствует*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *отсутствует*;
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *есть*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: —
Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: —
Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1990.

Специфика вхождения: Джалал-Абадская область выделена Москвой из состава Ошской.

Статус в составе материнского государства: области.

Годы существования в составе другого государства: —

Таджикистан

Горно-Бадахшанская область, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – «Бадахшанские самоцветы»;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *отсутствует*;
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *отсутствует*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Совет народных депутатов АО.

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: непризнание ВС.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1925.

Специфика вхождения: передана Москвой.

Статус в составе материнского государства: АО.

Годы существования в составе другого государства: —

Азербайджан

Нагорно-Карабахская республика, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *парламент как таковой*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *есть*;

- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *есть*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Областной совет.

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: боевые действия против сепаратистов.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1923.

Специфика вхождения: завоевана Баку.

Статус в составе материнского государства: АО.

Годы существования в составе другого государства: 1822–1923.

Талыш-Муганская автономная республика, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *«Талышское национальное движение»*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *отсутствует*;

- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть*;

- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: выступление лидера ТМАР по телевидению (позднее — избранными депутатами Меджлиса).

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: переговоры и призывы не поддерживать ТМАР.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1859.

Специфика вхождения: передана Санкт-Петербургом.

Статус в составе материнского государства: несколько необъединенных районов.

Годы существования в составе другого государства: —

Нахичевань, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *парламент как таковой*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *отсутствует*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *отсутствует*;
- государства-патрона – *отсутствует*;

- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *отсутствует*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Верховный совет АССР.

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: —

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1923.

Специфика вхождения: передана Москвой.

Статус в составе материнского государства: АССР.

Годы существования в составе другого государства: 1828–1923.

Грузия

Абхазия, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *парламент как таковой*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *есть*;

- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *отсутствует*;

- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *есть*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Верховный совет АССР.

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: боевые действия против сепаратистов.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1931.

Специфика вхождения: договор равноправных субъектов.

Статус в составе материнского государства: ССР.

Годы существования в составе другого государства: —

Аджария, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *парламент как таковой*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *отсутствует*;
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: —

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: неоднократные попытки реинтеграции.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1921.

Специфика вхождения: передана Москвой.

Статус в составе материнского государства: АССР.

Годы существования в составе другого государства: —

Южная Осетия, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *парламент как таковой*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *есть*;
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *есть*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Областной совет.

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: боевые действия против сепаратистов.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1783.

Специфика вхождения: как часть Грузии вошла в состав Империи.

Статус в составе материнского государства: АО.

Годы существования в составе другого государства: —

Самцхе-Джакаheti, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *отсутствует*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *есть*;
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: —

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: мягкая политика по экономической реинтеграции.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: —

Специфика вхождения: —

Статус в составе материнского государства: мхаре.

Годы существования в составе другого государства: —

Панкисское ущелье, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *отсутствует*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;

- государства-патрона – *отсутствует*;
 - у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть*;
 - исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.
- Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: —
- Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: жесткая реинтеграция военным путем.
- Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: —
- Специфика вхождения: —
- Статус в составе материнского государства: отдельные села Ахметского района.
- Годы существования в составе другого государства: —

Россия

Ичкерия, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории: *террористическое образование*;
 - политической организации у сепаратистов – *ОКЧН*;
 - собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
 - отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
 - государства-патрона – *есть (международные террористические организации в качестве патрона)*;
 - у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть*;
 - исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *есть*.
- Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: избранный «президент» Дудаев.
- Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: боевые действия против сепаратистов и террористов.
- Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: —
- Специфика вхождения: —
- Статус в составе материнского государства: АССР.
- Годы существования в составе другого государства: —

Татарстан, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
 - политической организации у сепаратистов – *парламент как таковой*;
 - собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
 - отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
 - государства-патрона – *отсутствует*;
 - у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *отсутствует*;
 - исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *есть*.
- Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Верховный совет АССР.
- Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: непризнание со стороны КС.
- Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: —
- Специфика вхождения: —
- Статус в составе материнского государства: АССР.
- Годы существования в составе другого государства: —

Кадарская зона, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории – *террористическое образование*;
 - политической организации у сепаратистов – *Союз мусульман Дагестана, «конгресс народов Чечни и Дагестана»*;
 - собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
 - отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
 - наличие государства-патрона – *есть*;
 - наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть*;
 - исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *есть*.
- Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: полевые командиры.
- Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: боевые действия против сепаратистов.
- Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: —

Специфика вхождения: —

Статус в составе материнского государства: несколько сел Буйнакского района Дагестана.

Годы существования в составе другого государства: —

Уральская республика *Уральская республик*, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *сторонники губернатора Росселя*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *отсутствует*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *отсутствует*;
- государства-патрона – *отсутствует*;
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *отсутствует*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Областной совет.

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: непризнание со стороны федерального центра.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: —

Специфика вхождения: —

Статус в составе материнского государства: Свердловская область.

Годы существования в составе другого государства: —

Молдавия

Приднестровская молдавская республика, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *парламент как таковой*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *отсутствует*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *отсутствует*;
- государства-патрона – *есть*.
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *отсутствует*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Съезд народных депутатов.

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: попытки военной реинтеграции и боевые действия.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1940.

Специфика вхождения: передана Москвой.

Статус в составе материнского государства: несколько районов без специального статуса.

Годы существования в составе другого государства: 1918–1940.

Гагаузия, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *«Гагауз Халкы»*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть*;
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть*;
- государства-патрона – *отсутствует*;
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *отсутствует*;
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует*.

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Съезд народных депутатов.

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: Непризнание со стороны центра и остановленные российской армией попытки военной реинтеграции.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1812.

Специфика вхождения: —

Статус в составе материнского государства: Автономное территориальное образование.

Годы существования в составе другого государства: —

Белоруссия

Наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории – *отсутствует*;
- политической организации у сепаратистов – *«Полісьсе»*;
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть (предпринимались попытки искусственного конструирования)*;

- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть (предпринимались попытки искусственно-го конструирования);*
 - государства-патрона – *отсутствует;*
 - у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *отсутствует;*
 - исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует.*
- Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: —
- Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: —
- Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: —
- Специфика вхождения: —
- Статус в составе материнского государства: —
- Годы существования в составе другого государства: —

Украина

до 2014 г. Крым, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
 - политической организации у сепаратистов – *«Русское единство», «Меджлис» и многие другие.*
 - собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть (лингвистические аспекты крымской и донецкой сецессии нельзя игнорировать. Отношение к языку и его статусу было одним из триггеров ситуации, но считать, что русский – язык исключительно народов, проживающих в Крыму и на Донбассе, неверно. Русский – язык всей билингвальной Украины).*
 - отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть;*
 - государства-патрона – *есть;*
 - у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть;*
 - исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует.*
- Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: Верховная Рада АР Крым.
- Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: попытки переговоров и боевых действий.
- Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1954.
- Специфика вхождения: передана Москвой.
- Статус в составе материнского государства: АССР, АР.
- Годы существования в составе другого государства: 1783–1954.

до 2022 г. Донецкая и Луганская области, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
 - политической организации у сепаратистов – *«Донецкая республика» и многие другие;*
 - собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть (лингвистические аспекты крымской и донецкой сецессии нельзя игнорировать. Отношение к языку и его статусу было одним из триггеров ситуации, но считать, что русский – язык исключительно народов, проживающих в Крыму и на Донбассе, неверно. Русский – язык всей билингвальной Украины.)*
 - отдельного этноса, выступающего за сецессию – *отсутствует;*
 - государства-патрона – *есть;*
 - у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть;*
 - исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует.*
- Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: протестующие, захватившие парламент.
- Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: боевые действия против сепаратистов.
- Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1920.
- Специфика вхождения: переданы Москвой.
- Статус в составе материнского государства: области.
- Годы существования в составе другого государства: 1721–1920.

Закарпатская область, наличие:

- государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории;
- политической организации у сепаратистов – *«Подкарпатская Русь»;*
- собственного языка, отличного от языка «материнского государства» – *есть;*
- отдельного этноса, выступающего за сецессию – *есть;*
- государства-патрона – *есть;*
- у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом – *есть;*
- исторического опыта вооруженной борьбы за автономию или сецессию – *отсутствует.*

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: —

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: непризнание итогов референдума.

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 1945.

Специфика вхождения: передана Москвой.

Статус в составе материнского государства: область.

Годы существования в составе другого государства: 1920–1945.

Количество повторений факторов:

Наличие государства-сегмента или сепаратистской/автономистской территории: 17

Наличие политической организации у сепаратистов: 17

Наличие собственного языка, отличного от языка «материнского государства»: 15

Наличие отдельного этноса, выступающего за сецессию: 16

Наличие государства-патрона: 10

Наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом: 13

Исторический опыт вооруженной борьбы за автономию или сецессию: 7

Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: 0

Реакция материнского государства на провозглашение независимости/суверенитета: 0

Год вхождения государства-сегмента (территории, осуществляющей выход) в состав материнского государства: 0

Специфика вхождения: 0

Статус в составе материнского государства: 0

Годы существования в составе другого государства: 7

Казахстан, Туркменистан и Армения не затрагивались сецессионистскими движениями.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Наличие государства-сегмента – самый популярный фактор сецессии. В 17 из 20 случаев «сложных» территорий процесс выхода или автономизации происходит в рамках сегмента, за исключением террористических де-факто государств Ичкерии, Кадарской зоны и Панкисского ущелья, поскольку террористы контролировали не всю территорию Чечни, Дагестана и Ахметского района Грузии, а лишь ту часть, которую не могли отвоевать правительственные войска. Несмотря на похожее распределение территорий в Л/ДНР, чьи правительства контролировали до признания Россией примерно половину заявленной для выхода политии, автор относит их к числу государств-сегментов, поскольку именно Донецкая и Луганская области, во-первых, имеют историческую традицию существования в рамках другого государства, во-вторых, имеют опыт строительства самостоятельного государства, в-третьих, неоднократно провозглашались своими лидерами как цель военной экспансии собственных армий.

Наличие политической организации, представляющей интересы сепаратистов/автономистов, – не менее популярный фактор (также 17 случаев из 20). В одних странах это были уважаемые общенациональные движения (ПМР), в других – террористические группировки («Ичкерия»), в третьих – парламент как таковой (Абхазия, Южная Осетия, НКР), действия которого отображают общественный консенсус в отношении достижения суверенитета от материнского государства. Без политической организации, отстаивающей интересы либо конкретной группы сепаратистов, либо всего общества будущего де-факто государства, успех сецессии невозможен. Ярчайший пример – две киргизские области в 1990 г. и Панкисское ущелье, управляемое бандой Гелаева на рубеже веков.

Наличие отдельного этноса, готового при стечении конкретных обстоятельств отстаивать независимость, – фактор 16, а существование собственного языка, отличного от языка материнского государства, – 15 «сложных» случаев. Несмотря на количественную значимость этих факторов, они точно не являются определяющими. ПМР, Л/ДНР, Крым не имели ни отдельного этноса, ни собственного языка (хотя во всех этих случаях проблема свободного распространения русского языка была одним из триггеров сецессии). Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, люди внутри де-факто государства используют те же языки, что и в материнском государстве (русский и украинский или русский и молдавский), с другой – радикальный национализм внутри материнских государств мешает реинтеграции: попытки «зачистки» лингвистического пространства всегда чреваты опасностями для территориальной целостности. Это значит, что лингвистическая обособленность общества, готовящегося к сецессии, важна, но детерминируют ее прочие факторы.

Наличие государства-патрона, помогающего осуществить сецессию, вопреки часто встречающемуся в материнских государствах мнению и среди экспертов, и среди журналистов, отнюдь не является определяющим фактором. Лишь в 10 «сложных» случаях из 20 патрон оказывал помощь. Это не отменяет самой силы данного фактора: в некоторых случаях (Крым, Л/ДНР) без патрона сецессия не была бы успешной.

Наконец, исторический опыт функционирования в составе другого государства есть лишь у семи случаев. Временные интервалы, от сотен лет Крыма и Донбасса в составе России до пяти лет Каракалпакстана в составе Киргизии, не позволяют выявить корреляцию между пребыванием в составе другого государства и успешностью сецессии.

Если взять 12 постсоветских стран, окажется, что для всех случаев автономизма/сепаратизма нет ни одного общего фактора, т.е. такого, который повторялся бы 12 раз. Три государства оказались не затронуты проблемами сепаратизма, хотя в Белоруссии и Казахстане имели место попытки политических организаций их будировать (в последнем – с гораздо большими основаниями). В остальном все три унитарных страны, включая моноконфессиональную и моноэтническую Армению, где оснований для сепаратизма попросту не существует, не испытывали давления со стороны регионов. На 12 стран приходится 20 сложных территориальных случаев, из которых 11 были де-факто государствами или сепаратистскими образованиями, 7 – случаями автономизации, еще 2 – попытками автономизации без успешных политических действий. Не все случаи сепаратизма объявлялись таковыми (уникальная в этом смысле аджарская «сецессия без выхода»). В некоторых из них политические (террористические) силы, осуществляющие выход, не интересовались вопросами легитимации своей власти в принципе, не нуждаясь в международном признании (таковы, например, Панкисское ущелье и Кадарская зона). Под определение сецессий они попадают, поскольку в соответствии с формулой Ф. Фукуямы осуществили де-факто выход, не декларируя его.

Детальное изучение опыта постсоветских сецессий, автономизаций и прочих «сложных» случаев позволяет с уверенностью сказать: любая форма выхода из состава материнской политики представляет собой крайне сложный процесс,

определяемый множеством этнических, культурных, лингвистических, исторических, политических, экономических, военных и географических факторов. Среди них есть более весомые, влияющие на успех сецессии сильнее других: фактор сильного патрона, военная сила сецессии и география, способствующая сецессии или препятствующая ей. Есть те, которые влияют на успешность совсем незначительно, например, исторический опыт нахождения в составе другого государства может стать важным при апелляции к национальному сознанию в случае воссоединения Крыма с Россией, а может никак не повлиять на выход: Закарпатская область находилась два десятилетия в составе Чехословакии, но попытки ее постсоветской автономизации не увенчались успехом.

Существуют ли факторы, детерминирующие успех сецессий?

Критики российской внешней политики часто считают патронаж России таковым. Но любая форма выхода – процесс многофакторный. Несмотря на то что постсоветский транзит для всех постсоветских государств стартовал из точки распада СССР, он породил принципиально разнообразные результаты по всем четырем направлениям государственности, идентичности, режима, экономики: успешная консолидация институтов и оформление эффективной государственной власти; автономизация не только национальных окраин, но и попытки регионов с очевидным титульным этносом реализовать планы по автономизации; полный коллапс государственной власти и ее подмена нелегальными акторами, дополненные гражданскими войнами; попытки бандформирований самостоятельно производить общественные блага, т.е. создавать альтернативную государству юрисдикцию; жестокие военные конфликты как следствие борьбы за власть внутри сложносоставных государств; успешные сецессии, активно поддерживаемые патроном; неудачные сецессии, завершившиеся реинтеграцией.

Общий итог исследования факторов сецессий диктует неизбежный тезис: сецессии возникают не только в тех случаях, когда этносам и руководящим ими лидерам есть куда выходить. Гагаузия, Кадарская зона, Панкиси, Автономная республика Бадахшан (АРБ), «Ичкерия» не имели конкретных направлений для выхода. В отличие от Крыма, Южной Осетии, ЛДНР, ПМР, в разной степени стремящихся к России, НКР, желающей воссоединиться с армянским соседом, – вхождение этих политий в состав других государств попросту невозможно по причине отсутствия таковых государств: вопросы вхождения Гагаузии в состав Турции или Кадарской зоны в состав Саудовской Аравии не требуют дискуссий. Случаи Панкиси или АРБ не имеют ответа на вопрос: вхождение куда? Выход территории из состава материнского государства возможен не только там, где активно действует патрон, оказывая сецессии поддержку, но и там, где материнское государство ослабляет свои институты, в т.ч. выталкивая конкретные этносы за пределы «государственного тела» (*state body*). Особый случай «сецессии без выхода» – Абхазия, которая ни провозглашала сецессию, ни стремилась повысить степень автономизации, сохраняя статус грузинской автономной республики, при этом имела собственные вооруженные силы, успешно и мирно противодействовавшие грузинским силовикам, сильного патрона в виде Турции, ВС России, наконец, собственное таможенное пространство, не контролируемое Тбилиси.

Одни и те же факторы по-разному влияют на сецессии. Статус АССР был у обеих формальных частей советской Грузии, республик Абхазия и Аджария, но первая близка к «идеальной сецессии», а вторая даже не объявляла ее (при этом осуществляя де-факто). Российские военные базы есть и в Южной Осетии, и в Приднестровье, но первая признана несколькими членами ООН, а второе с высокой степенью вероятности будет реинтегрировано в состав материнского государства. Отдельный этнос и язык есть и в НКР, и в Гагаузии, но первая, скорее всего, никогда не вернется в состав Азербайджана, а вторая была мирно реинтегрирована Молдавией. Материнское государство жестко подавляло сецессии и в террористической «Ичкерии», и в Л/ДНР, но первая успешно вернулась в суверенное пространство России в форме Чеченской республики, а две другие по-прежнему воюют с Украиной. С точки зрения истории условия для сецессии имелись и в Горном Бадахшане, и в Панкисском ущелье, и в Кадарской зоне, но только первый был де-факто государством, а два вторых – скорее вотчиной террористов, мало заботящихся о создании новой государственности. Мировое сообщество мотивировало сецессию Косово. Выход Крыма из состава Украины не поддержали даже ближайшие союзники России, но сецессия была реализована успешно. Миротворцы размещались и в Сербской Краине, и в Абхазии, но в первом случае сецессия была завоевана материнским государством при фактическом бездействии миротворцев, а во втором миротворцы поддерживали сецессию, как и сейчас в ПМР. В Южной Осетии был референдум о независимости, а в Приднестровье – целых два, но безусловный лидер в «гонке сецессий» – Абхазия, где подобный референдум не проводился ни разу. Государство-сегмент как признаваемая материнским государством реальность имеет (имела) место в отношениях Грузии – Абхазии, Молдавии – Приднестровья, Таджикистана – Горного Бадахшана, Украины – Крыма, но и Южная Осетия, которой по грузинскому законодательству просто не существует, успешно реализует сепаратистский курс. Долгие годы в России развивались и политические, и экспертные, и академические дискурсы о крымской ирреденте, а сами крымчане пробовали реализовывать сецессию, и обращаясь к России через парламент Севастополя в 1994 г., и организовав в 1996 г. формальный выход АР Крым из состава Украины, но до 2014 г. официальная Москва упорно настаивала на суверенитете Украины над полуостровом.

По итогам анализа факторов сецессий очевидно, что ни признание членом ООН, ни географическая близость сецессии к патрону, ни российская военная база, ни отдельный этнос и язык не могут «в одиночестве» гарантировать успех сецессии. Вероятно, единственный фактор, присутствующий во всех состоявшихся сецессиях, но не детерминирующий их выживаемость, – это относительно высокий уровень внутреннего суверенитета. В случае Абхазии внутренний суверенитет позволил сохранить сецессию даже в годы, когда патрон организовывал экономическую блокаду вместе с материнским государством. Уровень внутреннего суверенитета в ПМР никак не ниже, чем в Кишиневе, а по ряду показателей уровня жизни непризнанное государство превосходит материнское. Л/ДНР и Южная Осетия в сравнении с прочими начинавшимися сецессиями имеют самый высокий уровень внутреннего суверенитета, хотя первая на заре независимости и была похожа скорее на вотчину соревнующихся в борьбе за ресурсы полевых командиров, нежели на пространство верховенства закона.

Поддержка России, безусловно, облегчает успех сецессии, но в одних случаях непостоянна и может заметно уменьшаться (Абхазия), в других сохраняется на протяжении долгого времени, но при этом стратегический курс патрона очевиден – реинтеграция в состав материнского государства на определенных условиях (Приднестровье), в третьих случаях сильно зависит от конъюнктуры в материнском государстве (до февраля 2022 года – Л/ДНР). Внешняя политика России в адрес и де-факто государств, и соседей по постсоветскому пространству (материнских государств) не является неизменной. Россия не стремится поддерживать сецессии в любых случаях любой ценой, а ключевые решения (например, установление дипотношений с Абхазией и Южной Осетией, начало военной операции в Крыму или на Украине в 2022 г.) принимает исходя из текущих событий, в т.ч. мировой политики, часто не проективно, а реактивно, руководствуясь своими национальными интересами, которые предельно прозрачно описываются в доктринальных документах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ахмедов, С. Конфликты в Таджикистане: причины и последствия. – Москва: Весь мир, 1997.

Akhmedov, S. *Konflikty v Tadjikistane: prichiny i posledstviya*. Moskva: Ves' mir, 1997 [In Russian].

Бударагина, Л. Статус непризнанных государств // Право и современные государства. – 2016. – № 3. – С. 44–49.

Budaragina, L. "Status nepriznannykh gosudarstv." *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 3 (2016): 44–49 [In Russian].

Ильин, М., Мелешкина, Е., Мельвиль, А. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 26–39.

Ilyin, M., Meleshkina, Ye., Melville, A. "Formation of the New States: Domestic and External Factors of Consolidation." *Polis. Political Studies*, no. 3 (2010): 26–39 [In Russian].

Ильяшевич, М., Хахина, А. К вопросу о международно-правовом признании государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 236–244.

Ilyashevich, M.V., Khakhina, A.A. "On the International Legal Recognition of States." *RUDN Journal of Law*, no. 1 (2014): 236–244 [In Russian].

Маркедонов, С. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2018. – № 1. – С. 24–40. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-1-24-40>.

Markedonov, S.M. "De-facto States: the Post-Soviet Political Phenomenon." *RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 1 (2018): 24–40 [In Russian].

Маркедонов, С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства // Аналитические доклады Института Кавказа № 5 / Науч.ред.: Александр Искандарян. – Ереван: Институт Кавказа, 2012. – 180 с.

Markedonov, S. *De-fakto obrazovaniya postsovetskogo prostranstva: dvadtsat' let gosudarstvennogo stroitel'stva. Analiticheskie doklady Instituta Kavkaza* №5. Erevan: Institut Kavkaza, 2012 [In Russian].

Мельвиль, А.Ю. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах / А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал, М.Г. Миронюк. – Москва: Изд-дом «Высшей школы экономики», 2011.

Melville, A.Yu. *Faktory rezhimnykh transformatsii i tipy gosudarstvennoy sostoyatel'nosti v postkommunisticheskikh stranakh*. Moskva: Izd.dom «Vysshei shkoly ekonomiki», 2011 [In Russian].

Платонова, М. Де-факто независимые государства Кавказа: переосмысление терминологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 98–101.

Platonova, M. "De-Facto Independent States of the Caucasus: Redefining the Terminology." *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, no. 1 (2012): 98–101 [In Russian].

Сергеева, Л. Проблема понятийно-категориального аппарата при классификации типов непризнанных (частично-признанных) государств постсоветского пространства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5. – С. 169–172.

Sergeeva, L. "Problem of Conceptual-Categorical Apparatus when Classifying Types of Unrecognized and Partially Recognized States of the Post-Soviet Space." *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5 (2014): 169–172 [In Russian].

Токарев, А.А. Концептуализация и операционализация понятия государственность // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4. – С. 247–254. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-247-254>.

Tokarev, A.A. "The Conceptualization and Operationalization of the Concept of Statehood." *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (2012): 247–254 [In Russian].

Токарев, А.А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 106–117. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08>.

Tokarev, A.A. "Comparative Analysis of the Post-Communist Secessions: The Prognostic Attempt of Quantification of the Factors' Impact on Secession." *Polis. Political Studies*, no. 4 (2017): 106–117 [In Russian].

Тревер, К.А., Якубовский, А.Ю., Воронец, М.Э. История народов Узбекистана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950. – С. 188–193.

Trever, K.A., Yakubovskii, A.Yu., Voronets, M.E. *Istoriya narodov Uzbekistana*. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1950 [In Russian].

Холина, Е. Формы и критерии признания государств // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 218–223.

Holina, E. "Formy i kriterii priznaniya gosudarstv." *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal*, no. 3 (2012): 218–223 [In Russian].

Цвицинская, Н. Эволюция института признания государства в международном праве // История и современность. – 2014. – № 2. – С. 147–161.

Tsivinskaya, N. "Evolyutsiya instituta priznaniya gosudarstva v mezhdunarodnom prave." *Istoriya i sovremennost'*, no. 2 (2014): 147–161 [In Russian].

Цхохребов, К.И. Проблемы статуса непризнанных и частично признанных государств в современном мире // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2013. – № 3. С. 186–189.

Tskhovrebov, K. "Problems of the Status of Unrecognized and Partially Recognized States in the Modern World," *Vestnik Severoosetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Hetagurova*, no. 3 (2013): 186–189 [In Russian].

Balmaceda, Margarita M. "Privatization and Elite Defection in *De facto* States: The Case of Transnistria, 1991–2012." *Communist and Post-Communist Studies* 46, no. 4 (2013): 445–454. <https://www.jstor.org/stable/48610313>.

Broers, Laurence, Iskandaryan, Alexander, and Sergey Minasyan. "The Unrecognized Politics of *De facto* States in the Post-Soviet Space." *Caucasus Survey* 3, no. (3) (2015): 187–194. <https://doi.org/10.1080/2376119.9.2015.1086566>.

Cornell, Svante E., and Niklas Nilsson. "Georgian Politics since the August 2008 War." *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 17, no. 3 (2009): 251–268. <https://doi.org/10.3200/DEMO.17.3.251-268>.

Dembinska, Magdalena, and Aurélie Campana. "Frozen Conflicts and Internal Dynamics of *De facto* States: Perspectives and Directions for Research." *International Studies Review* 19, no. 2 (2017): 254–278. <https://doi.org/10.1093/isr/vix010>.

Fukuyama, Francis. "Building Democracy After Conflict: 'Stateness' First." *Journal of Democracy* 16, no. 1 (January 2005): 84–88.

Fukuyama, Francis. "The Imperative of State-Building." *Journal of Democracy* 15, no. 2 (April 2004): 17–31.

Gachechiladze, Revaz. "Geopolitics in the South Caucasus: Local and External Players." *Geopolitics* 7, no. 1 (2002): 113–138. <https://doi.org/10.1080/714000896>.

Guretski, Voitsekh. "The Question of Javakheti." *Caucasian Regional Studies* 3, no. 1 (1998). https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/crs/crs_1998/crs98_guv01.html.

Hoch, Tomáš, and Vincenc Kopeček. *De facto States in Eurasia*. Routledge Contemporary Russia and Eastern Europe Series, 2019.

Kolstø, Pål, and Helge Blakkisrud. "De Facto States and Democracy: The Case of Nagorno-Karabakh." *Communist and Post-Communist Studies* 45, no. 1–2 (2012): 141–151. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2012.03.004>.

Kopeček, Vincenc, Hoch, Tomáš, and Vladimir Baar. "De facto States and Democracy: The Case of Abkhazia." *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series* 32, no. 32 (2016): 85–104. <https://doi.org/10.1515/bog-2016-0017>.

Kopeček, Vincenc. "Political Institutions in the Post-Soviet *De facto* States in Comparison: Abkhazia and Nagorno-Karabakh." *ALPPI Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, no. 10 (2016): 73–99.

Malek, Martin. "State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework." *Transition Studies Review* 13, no. 2 (2006): 441–460. <https://doi.org/10.1007/s11300-006-0106-z>.

O'Loughlin, John, and Vladimir Kolosov. "After the Wars in the South Caucasus State of Georgia: Economic Insecurities and Migration in the *De facto* States of Abkhazia and South Ossetia." *Eurasian Geography and Economics* 52, no. 5 (2011): 631–654. <https://doi.org/10.2747/1539-7216.52.5.631>.

O'Loughlin, John, and Vladimir Kolosov. "Building Identities in Post-Soviet *De facto* States: Cultural and Political Icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transnistria, and Abkhazia." *Eurasian Geography and Economics* 58, no. 6 (2017): 691–715. <https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1468793>.

Øverland, Indra. "The Closure of the Russian Military Base at Akhalkalaki: Challenges for the Local Energy Elite, the Informal Economy and Stability." *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, no. 10 (2009). <https://doi.org/10.4000/pipss.3717>.

Relitz, Sebastian. "De facto States in the European Neighborhood: Between Russian Domination and European (Dis)Engagement. The Case of Abkhazia." *Eurint*, no. 1 (2016): 96–113.

Сведения об авторе

Токарев Алексей Александрович,

д.полит.н., в.н.с., ИМИ МГИМО МИД России, 119454,
Москва, Проспект Вернадского 76.

e-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 октября 2022.

Переработана: 10 ноября 2022.

Принята к публикации: 15 декабря.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Примечание редакции

Данная работа основана на диссертационном исследовании автора.

Цитирование

Токарев, А.А. Как появляются постсоветские сецессии: факторы, способствующие и препятствующие выходу // *Международная аналитика*. – 2022. – Том 13 (4). – С. 19–42.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-4-19-42>

How Post-Soviet Secessions Appear: Factors Contributing to and Hindering Exit

ABSTRACT

The article deals with “complex” cases of territorial development after the collapse of the USSR: secession, autonomization, gray zones of statehood in all post-Soviet republics. Taking into account both realistic and constructivist grounds of secession, the author lists the main factors (geographical, historical, political, sociological, cultural, linguistic, military) that affect the processes of autonomy and the withdrawal of territorial polities from the parent states, postulating that none of them is repeated in all 20 cases studied. This means that no factor is determinative, although Western sources often refer to Russian patronage in the post-Soviet space as such. The most popular factors are the functioning of the state -the segment within which the secession is being formed, and the presence of a political organization among the separatists (17 cases out of 20).

KEYWORDS

secession, separatism, autonomism, irredentism, post-Soviet space, collapse of the USSR

Author

Alexey A. Tokarev,

Doctor of Political Sciences, Leading Research Fellow, Institute of International Research,
 Moscow State Institute of International Relations MFA RF (MGIMO-university),
 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo 76.

e-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: October 20, 2022. Revised: November 10, 2022. Accepted: December 15, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Editorial note

This work is based on the author's dissertation research.

For citation

Tokarev, Alexey A. “How Post-Soviet Secessions Appear: Factors Contributing to and Hindering Exit.”
Journal of International Analytics 13, no. 4 (2022): 19–42.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-4-19-42>